

Шильман Михаил

кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и практической философии
Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

ПРОДОЛЖЕНИЕ БИБЛИОТЕКИ: ЗАКАТ ТЮРЬМЫ

Окончательная дискредитация дисциплинарных обществ ставит Библиотеку перед непростой задачей социальной реабилитации или, точнее, некой «реинституционализации». Старая модель библиотеки, сохраняющая принцип тюремного заключения, подлежит модификации посредством новоизобретенных форм кооперации с современной жизнью. Библиотека должна заботиться не только о книгах и читателях, но и взять на себя часть забот о горожанах.

CONTINUATION OF LIBRARY: DECLINE OF PRISON

On the background of the final discredit of disciplinary societies Library faces the difficult task of social rehabilitation, or rather any kind of «re-institutionalization». Old library model that preserves the principle of imprisonment require modification by new forms of cooperation with the modern life. Library as establishing should take care not only about books and readers, but also to take on part of the concerns of townspeople.

Блаженны мнящие себя читателями библиотеки узники темницы, ибо они утешаются книгами.

Томас Вольмен

Город представляет собой меняющуюся, но не подлежащую окончательной отмене систему различных пространств; он ограждает себя от излишних посягательств извне и преграждает пути к чрезмерному проникновению в свои собственные внутренности. Изначально город городится на пустом месте и гордится собой как укрытием этого места – он создает тень и темень взамен естественной открытости и (все)освещенности простора. Город начинается с изо-

бретения все более сложных форм сокрытия и продолжается путем упорядочения доступа к скрытому, усложнения его субординаций и запутывания путей их прохождения. Крепость-замок – завидующее храму здание вертикального задания очевидно неприродного центра-места жительства – потекает организации двойного лабиринта: улиц вокруг и коридоров внутри. Для имеющих право прохода внутренние ходы ведут в тронный зал, в сокровищницу, в тюрьму или в библиотеку – святая святых распространяющейся на всю округу суверенной власти имеет четыре лица: одно светлое, дульное, и три темных, казенных. Просвещение знаменует переход от однозначно-плотного сопряжения этих лиц к их вариативно-рассеянному соседству: нарушение крепости замкнутого единства отмечает светлицу дворца и дарует местную автономию темницам – банку, тюрьме и библиотеке. Единый принцип скрывать-таить-содержать \ помещать-заключать-хранить лежит в функциональном основании этого символического триумвирата. Соучастники былой централизации перемещаются в лабиринт городских улиц, обживают в нем, размножаются, обретают местоположения и создают свои собственные ходы и устройства. Пространственная диспозиция этих особых мест рисует фигуру, которой вторит карта города. Каждое из них помнит свою генеалогию и пестует ностальгию по централизованному порядку, образцово изолирует и концентрирует соответствующие ресурсы и дорастает до (социального) института. Тем самым прямые наследники суверенной власти включаются в разнообразие пространств изоляции, которые в совокупности образуют и представляют арматуру власти дисциплинарной.

Библиотека – как одно из наиболее изящных изваяний этой власти – демонстрирует подлинное совершенство формулярного порядка-потаянности и давно уже занимает особое положение, располагаясь между банком и тюрьмой. Банк препятствует публичному освещению вкладов, тюрьма исключает узника из светской жизни, книги боятся убивающего их света, а потому хранятся в темноте. Банк ведает номерами счетов, тюрьма номерует заключенных, библиотека присваивает каталожный номер каждой единице хранения. Банк контролирует акции-операции, тюрьма надзирает за речью-поведением, библиоте-

ка следит за состоянием-местонахождением каждого экземпляра. Деньги из банка можно вывести или украсть, из тюрьмы можно выйти или сбежать, библиотека же исключает какое-либо изъятие, извод, изымание – она воплощает пожизненное, тотальное, описанное и пронумерованное бытие. Библиотека представляет собой *per se* образцовую субординацию учета и изоляции, идеальный прототип социального (городского \ фабричного \ образовательного \ военного \ медицинского) устройства.

В классическую эпоху, как отмечает М. Фуко, «...учреждение архивов, их упорядочивание, реорганизация библиотек, создание каталогов, репертуаров, инвентариев...» следует понимать как способ введения «...того же самого порядка, который устанавливают между живыми существами» [6, с. 161]. Полицейская дисциплина этого порядка включает практику составления реестров, досье, рапортов на подозреваемых и картотек правонарушителей. Для надлежащего упорядочения социальных процедур в формате министерства внутренних дел «...по аналогии с методом «натуралистов, библиотекарей, купцов, дельцов», начинают использовать систему карточек или индивидуальных бюллетеней...» [5, с. 412]. «Библиотечное учреждение» – система персональных формуляров и тотальной каталогизации – обеспечивает, таким образом, исковую погонную социальную функциональность и утилитарную ценность «модерного учреждения», соединяющего в себе как старые формы хранилища-темницы, так и новые технологии зала-паноптикума.

Особое устройство надзора, пресловутый «паноптикум Бентама», к которому отсылают исследования Фуко («рождение тюрьмы»), обнаруживается и в строении публичных библиотек XIX века. «Паноптический характер новых библиотек был очевиден...» [3] – заключает П. Джойс, приводя в качестве примера организацию надзора со стороны персонала за читальным залом Британского музея. Тут, однако, обнаруживается существенный нюанс, который не следует оставлять без внимания: библиотека не исчерпывается ни залом, ни хранилищем, но представляет собой их гибкий стык, систему «сообщающихся сосудов» или, точнее, сообщающихся пространств изоляции. Изоляция заклю-

ченных-читателей в классическом читальном зале имеет, безусловно, то самое паноптическое устройство, которое, по словам Фуко, «...организует пространственные единицы, позволяя постоянно видеть их и немедленно распознавать» [5, с. 292]. Однако изоляция заключенных-книг в хранилище, напротив, устроена «вопреки оптике», поскольку призвана погружать во тьму (защищать от света) то, что должно пленять на свету, просвещать («рассеивать тьму»). В отношении тюрьмы Фуко отмечает, что при применении противоположного принципу темницы принципа паноптикума «...из трех функций карцера – заточать, лишать света и скрывать – сохраняется лишь первая, а две другие устраняются» [там же]. Продолжая эту мысль в заданном нами выше ключе, добавим, что в отношении банка из указанных трех функций устраняются первая и вторая, а сохраняется лишь третья. В отношении же библиотеки дело обстоит сложнее, поскольку она совмещает оба принципа, реализуя их в двух своих пределах – разных, но неразрывно связанных друг с другом. А потому классическая библиотека в целом, напоминает, скорее, «гуманистическую» тюрьму в стиле Леона-Батиста Альберти, которая аккуратно вписана в городской организм и где структурно сосуществует три вида-принципа изоляции. Во-первых, это камеры, где содержатся «не все вместе, а порознь» при условии, что для стражи должен «...открываться вид на многие камеры сразу» – аналог читального зала. Во-вторых и в-третьих, это «более тесная тюрьма» и «внутренние тайники» [1, с. 159] – соответственно, аналоги хранилищ и спецхранов.

Есть все основания утверждать, что библиотека функционирует и в «режиме света», и в «режиме тьмы»; ею правит дисциплина переключения \ переключения режимов не в меньшей степени, чем дисциплина каталогов \ формуляров. При этом первая может быть названа «дисциплиной времени», а вторая – «дисциплиной пространства»; обе они относительно автономны: каталожные данные останавливают время, равно, как и циркуляция книг происходит в строго фиксированных пространствах. В этом смысле библиотека исчерпывающе и исправно репрезентирует и воспроизводит само существо дисциплинарных обществ. Последние, по определению Ж. Делеза, имеют «...два полюса: личную

подпись, которая обозначает индивида и число, или регистрационный номер, который указывает на его положение в *массе*» [2, с. 229]. (Автор-заглавие \ шифр хранения «ставит на место» книгу; имя-фамилия \ номер регистрации «дает время» читателю). Однако вот уже четверть века как «...дисциплинарные общества... вошли в стадию кризиса...», а потому утверждение о том, что «...мы уже живем не в дисциплинарном обществе...» и «...находимся в стадии всеобщего кризиса всех пространств изоляции...» [там же, с. 225-226]. Сегодня эту оценку ситуации как сложившейся можно продолжить, усилить и усугубить. Общества контроля уже пришли на смену дисциплинарным, некогда привычные \ опробованные пространства изоляции ликвидируются, испытывают дисфункцию или, теряя свою прошлую специфику, распаиваются и включаются в короткозамкнутые схемы новых социальных порядков и устройств.

Функции и режим заключения деградирует – пенитенциарная система все больше ориентируется не на заточение, но на отслеживание в реальном времени местоположения «узников» и сбор сведений об их времяпровождении. Финансовый мир прощается с простым сокрытием – декларируя доходы, осуществляя мониторинг прибылей и активов, интенсифицируя игру на быстро меняющихся курсах. Гибель и трансформации пространств изоляции означают, в том числе, системный сбой в работе старых социальных институтов; в подобных условиях консервативная по своей природе библиотека рискует остаться лишь дорогостоящим следом уходящего прошлого. Ее величественная многоликость (архив-святилище-музей), прописка в большом городе и «человечность» перестает быть козырем – как замечает А. Рапопорт, «интернет как глобальный музей более не требует концентрации вещей и текстов в избранных хранилищах, как не требует присутствия людей в столицах» [4]. Библиотека как памятник дисциплинарному обществу (герцогская, королевская, государственная, национальная), как идеальное пространство изоляции, как долгосрочный проект продолжает, по большей мере, служить тому порядку отношений между людьми, который уже не имеет места или, как минимум, быстро сходит на нет. Это оз-

начает – с оглядкой на Ф. Ницше – что живое продолжение славной истории библиотеки видится не монументальным, не антикварным, но критическим.

Новые конфигурации социального требуют для себя новых презентаций в формате краткосрочных операций, новые формы власти – иначе обустроенных мест своего присутствия и высокотехнологичных способов архивации. Чтобы не остаться \ не выглядеть рудиментарной, современная библиотека не в силах игнорировать электронные аспекты своего скорого будущего. Связанные с ним меры, предпринимаемые в большей или меньшей степени всеми библиотеками, являются, скорее, вынужденными. В то же время можно предположить, что сохранение библиотек как центров (или, хотя бы, как пристанищ) культуры возможно не только путем их включения в поле информационных технологий, но и за счет изменения характера и форм «библиотечной деятельности». Это отсылает к изобретению новых, востребованных в современном городе, динамичных и своевременных операций не только с информацией и книгами, но и с «пространством» и «временем». Или, другими словами, – к опасливому выходу на (как минимум) городской рынок культурного производства-обмена и досуга-коммуникации в качестве уважаемого игрока. Но это требует радикального изменения *политики* библиотеки; свое (место)пребывание в городе, свое (пред)назначение и свое (об)устройство ей следует мыслить иначе.

Ожидание благообразного, сепарированного, рафинированного «читателя» сегодня мало оправдано, ведь сия фигура дисциплинарного прошлого давно уже уступила место «посетителю» и «пользователю»; это означает, что сегодня библиотеке, в свою очередь, имеет смысл переориентироваться с растущего внутреннего фонда на внешний трафик, который еще надо заполучить. С учетом растущего опыта виртуальной жизни библиотеке ничто не мешает стать еще и одним из «сайтов», на который есть резон заходить-заглядывать – не только по причине наличия оригинального контента, но и для того, чтобы с пользой и/или с удовольствием *провести время*. Традиционные функции хранения-выдачи в этом случае могут и должны быть дополнены нетрадиционными услугами по вмещению-занятию; подобная практика подразумевает совме-

щение собственно библиотеки с концертным холлом, выставочным или конференц-залом, учебным центром, художественной галереей, офисным помещением, клубом, променадом, смотровой площадкой. Развивая понятие библиотеки как места, где имеющиеся пространства предоставляются на время, а число посетителей не связано напрямую с числом единиц хранения, можно и дальше помыслить библиотеку, которая не находится целиком на иждивении города, но берет в каких-то отдельных вопросах город на свое иждивение.

И по своему происхождению, и по своему устройству библиотека всегда была и оставалась приютом – любовно огражденным от (обыденной) жизни местом-пространством, где можно укрыться от посторонних глаз, уличной суеты, деловой спешки, шума, непогоды, горестей или беспорядков. Библиотека и сегодня располагает к тому, от чего отрезана (нынешняя) жизнь – отойти от мира, скоротать время в тишине, укромном покое и безопасности; в том числе, и за книгами. Возможно, в ближайшем будущем произойдет настоящая диверсия библиотеки, когда она – помимо своих прямых (и все еще главных) забот о книгах и о читателях – возьмет на себя и часть забот о *жизни* горожан. Например, присматривая за детьми в течение рабочего дня, предоставляя мини-комнаты отдыха уставшим или мини-студии художникам, занимая простыми делами одиноких стариков или отнимая неприкаянных тинейджеров у безделья. Так или иначе, но хотелось бы (продолжать) верить, что даже случайный прохожий, даже зашедший наугад, попав в окружение книг, подвергнется риску стать еще и читателем = заключить сделку и с прошлым, и с будущим, не приговаривая себя мотать срок лишь в тягостном заключении настоящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве. В 2-х тт. Т. 1. / Л.-Б. Альберти; [в пер. В.П. Зубова]. –М.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1935. – 392 с.
2. Делез Ж. Переговоры / Ж. Делез; [пер. с фр. и вступ. ст. В.Ю. Быстрова]. – СПб.: «Наука», 2004. –235 с.

3. Джойс П. Рождение публичных библиотек: политика либерального архива / П. Джойс; [пер. с англ. Н. Мовнина]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/dz8.html>
4. Раппапорт А.Г. Башня и лабиринт / А.Г. Раппапорт. Режим доступа: <http://papardes.blogspot.com/>
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; [пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой]. –М.: «Ad Marginem», 1999. – 478с.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; [пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой]. –СПб.: «А-сад», 1994. – 408 с.